

Красная туфелька

Автор:

Ширли Джамп

Красная туфелька

Ширли Джамп

Любовный роман – Harlequin #121

Сара Гриффин работает репортером в желтой газетенке, но мечтает перейти в солидный журнал, где наконец-то целиком проявится ее талант. А пока ей приходится собирать материал о главе дома моды, плейбое Калебе Льюисе, который ненавидит таких журналистов, как Сара...

Ширли Джамп

Красная туфелька

Глава 1

Сара Гриффин зачарованно смотрела, как мимо нее, словно в замедленной киносъемке, пролетела красная туфелька и, два раза перевернувшись, исчезла за окном. Почти на секунду шок заставил ее прирасти к полу, прежде чем ужас происшедшего вонзился в нее, словно пара шпор в бока коня, и она бросилась к окну вслед за красным стилетто[1 - Сейчас так называют женские туфли на высоких шпильках. (Здесь и далее примеч. ред.)] Фредерика.

– Что ты натворила, черт возьми! – Слова возмущения вырвались из горла, не вызвав никакого отклика у ее сестры.

Сара перевесилась через подоконник, ища на сером асфальте вспышку красного. Ничего, ничего, ничего... Ага! Вот... возле мусорного бачка. Она с облегчением вздохнула. Похоже, с туфлей ничего не случилось. По крайней мере, так казалось отсюда. Но убедиться в этом она сможет, только когда спустится вниз. Сара решительно направилась к двери.

– Ты куда? – В голосе сестры звучало искреннее удивление.

Сара остановилась и с возмущением уставилась на Диану: «Она что, и дальше собирается со мной препираться?»

Диана Гриффин была хорошо сложена и обладала очень сильными мышцами. После обеда девушка так усердно молотила грушу в зале «Голд клуба», что уже три раза за те два года, что она числилась в его членах, спортивный снаряд заменяли. С Дианой не стоило ссориться. Сара знала это и тем не менее не удержалась. Поставьте рядом темперамент Дианы и привычку Сары открыто выражать свои чувства – и вы получите катастрофу.

И вот пожалуйста, результат! Красная модельная туфелька валяется на тротуаре, а ее карьера висит на волоске.

– Мне нужно подобрать туфлю, – сказала Сара. – Ты знаешь, что может случиться, если...

– Да ладно тебе! – отмахнулась Диана. – Это же просто туфля. Если тебе хочется чего-нибудь новенького, могу дать пару своих.

Сара от возмущения только всплеснула руками:

– Тебе этого не понять! Никогда.

– Не понять чего? – взвизгнула Диана. – Что ты снова пытаешься разрушить мою жизнь?

Трагедия. Вечно она из всего делает трагедию. Как если бы в детстве недополучила внимания – и теперь ей всегда его не хватало. Отсюда и преувеличенная эмоциональность, и летающие туфли. Саре не раз приходилось

видеть, как та или другая «дива моды» впадала в подобное состояние из-за более ничтожных причин – столика с углами или слишком теплого шардоне. Именно этим были заполнены страницы сплетен в газете «За кулисами сцены», которые писала сама Сара.

Она так устала от всех этих вымученных трагедий и эксцентричного поведения людей, о которых стряпала статьи для таблоида[2 - Таблоид – печатное издание, носящее бульварный (желтый) характер.]. Хотя бы раз увидеть среди них того, кто отличался бы от этого стереотипа! Кого-нибудь, кто бы честно признал, что вся эта блестящая клубная суэта была мелкой, как лужа, и что в жизни есть куда более важные вещи, чем изо дня в день пялиться на шестую полосу бульварной газетенки.

– У меня нет времени, чтобы обсуждать все это по сотому разу, Диана. – Сара открыла дверь, пересекла холл и начала быстро спускаться по лестнице, чтобы через несколько секунд оказаться на переполненной улице Манхэттена.

Оживленно шумела улица, сигналили мусоровозы, гремели дрялями строители, создавая обычную утреннюю мелодию города. В свое время Саре сразу понравилось это место, и она скоро нашла себе небольшую квартирку в старом кирпичном доме с такой же старой добродушной хозяйкой, которая на каждое Рождество дарила ей коробку печенья. Квартирка совсем маленькая и без всяких причуд вроде консьержа или лифта. Но сам район был очень приличным и не слишком шумным – те качества, которые особенно начинаешь ценить в конце дня.

Низкое вечернее солнце на миг ослепило Сару, оставив в глазах два ярких пятна. Она быстро свернула направо к мусорному баку миссис Симпсон, ожидая увидеть рядом с ним туфлю, ведь именно там она видела ее несколько секунд назад.

Но около бака ничего не было... Не совсем, конечно, ничего – помятая банка из-под содовой, две обертки из-под кетчупа, разорванная коробка из-под китайской еды с вытекающей из нее темной жидкой массой, но ничего из того, что сейчас было нужно Саре Гриффин.

Того самого красного стилетто!

Ее охватила паника.

Как, черт возьми, туфля могла исчезнуть? Сама ведь не ушла? И кто мог ее взять? Кому нужна одна туфелька? Во всем мире к ней не подобрать пары. Совершенно непрактичная обувь, предназначенная только для особых случаев. Просто уму непостижимо, кому подобное могло понадобиться!

Но если туфли здесь нет, значит, кто-то все же взял ее...

Она огляделась вокруг, пытаясь увидеть кого-нибудь, кто бы нес в руках красное стилетто. Мимо нее спешила деловая публика в своих начищенных до блеска черных офисных ботинках и туфлях на удобных невысоких каблучках. Ни у кого в руках не было ничего красного...

Высокий темноволосый мужчина в синем костюме остановился в нескольких метрах от нее. Отсюда Сара не могла сказать, знает она его или нет. Черт, на улице большинство мужчин, да еще со спины, выглядели совершенно одинаково – костюм и темные ботинки. Она увидела, как он повел плечами, застегивая пиджак, и зашагал дальше. Мог ли он взять ее туфельку?

Какое-то мгновение она с сомнением смотрела на него. Сзади мужчина был очень похож на ее соседа – этот красавчик, пожалуй, мог бы поднять такую туфлю. На всякий случай Сара решила проследить за ним. Но мужчина вдруг махнул рукой проезжавшему мимо такси, сел в него и уехал. Проклятие!

Нет, туфля все же должна быть где-то здесь... Может, крыса затащила ее в какой-нибудь темный угол? Только от одной этой мысли Сару затошнило, но она все же заглянула за контейнер, потом обошла его кругом и даже посмотрела снизу.

Ничего. Вообще никакой обуви.

Теперь паника схватила ее за горло, угрожая лишить доступа воздуха. Этого ни за что не должно было случиться. Карл убьет ее! И не просто убьет – разорвет на части, отрежет голову, а потом еще и повесит безголовое тело на общественной парковке в назидание всем, как пример врожденного идиотизма.

Как Сара теперь могла избавиться от дурацкой странички таблоида и передвинуться в основной отдел журнала «Смарт фэшн», если ей нельзя было доверить даже такую мелочь? В окно вылетела не только туфля Фредерика – туда же полетела и вся ее карьера.

Несколько месяцев Сара вынашивала план влиться в редакторский отдел ежемесячного журнала «Смарт фэшн», принадлежащего тому же издательскому дому, что и таблоид. Журнал – солидное издание, таблоид – его безродная сводная сестра с повадками уличной девчонки. Тем не менее за работу в таблоиде хорошо платили. В чем в то время Сара остро нуждалась, хотя и видела в этом только промежуточную ступеньку, временную остановку.

Но остановка оказалось длительной... Конечно, перемещение в «Смарт фэшн» в колонку новостей, освещающую последние тенденции в моде, одежде и обуви, была той работой, которая не требовала глубокого журналистского исследования, но все равно это был шаг в правильном направлении. Сара устала от работы в тени. Устала дожидаться своего будущего. И эта туфелька, как ни странно, была символом того, что она хотела бы изменить в своей работе и в жизни.

Через пятнадцать минут отчаянных поисков Сара вернулась в квартиру и направилась прямо к окну, не обращая внимания на Диану. Устроившись на софе, та полировала свои ногти, похоже, даже не представляя, что наделала. А если даже представляла, то это ее нисколько не волновало...

Во внешности сестер было много общего – обе стройные, с длинными каштановыми волосами с красноватым оттенком, который после долгого пребывания на солнце переходил в золотой, с большими, чуть раскосыми зелеными глазами. Но что же касается умения сочувствовать... Иногда Сара думала: что же могло случиться с ее сестрой? Она любила Диану, но способность той видеть только собственные проблемы и совершенно не замечать проблем других словно заноза сидела в их отношениях.

– Пожалуйста, ну пожалуйста, пусть она будет где-нибудь там! – прошептала Сара. Она свесилась из окна, еще раз сканируя взглядом тротуар.

Ни-че-го. Туфелька пропала.

Сара беспомощно сползла на пол:

– Все... Я погибла...

– Не понимаю, зачем делать из этого проблему? – сказала Диана, вытягивая руку, чтобы оценить свои ногти. – Это же просто туфля!

– Это моя работа! – сердито заявила она и подумала: «Даже более того».

Ее сестра никогда бы не поняла, что означала для нее эта туфелька. Это был не просто ее первый большой проект для журнала «Смарт фэшн». Ладно, не такой уж большой – всего лишь половина странички, посвященная открытию новой линии Фредерика К, с представлением лучшей модели из его коллекции. Но для начала это было то, что нужно!

– Дело еще и в том, что эта туфля – прототип тех моделей, которые будут показаны на весеннем шоу. И до того времени их никто не должен увидеть. Никто.

Диана пожала плечами:

– Ну ты же видела!

– Да... от тебя помощи не жди.

– Я куплю тебе другую пару. Такую же. Проблема решена.

– Ты не сможешь ее купить. В том-то и дело. До весеннего показа их никто не может купить. Мой босс доверил их мне, и вот теперь...

Что же ей делать? Как, черт возьми, она сумеет объяснить это Карлу? Фотосессия состоится через три дня, а половина звездной пары уже исчезла. Журнал отложил все, чтобы освободить место для освещения Недели большой моды. Дизайнеры мирового уровня представят свои весенние модели для будущего года, и весь Нью-Йорк, обсуждая их, загудит как пчелиный улей. Это самая тяжелая неделя для журнала, когда напряжение, ожидания и надежды достигали своих пределов.

Она не могла объяснить все это Диане, так же как и то, почему взяла эти туфли домой. Объяснить Карлу это маленькое путешествие еще труднее. Даже труднее, чем просто сказать, что она потеряла эту чертову туфлю!

«Почему ты взяла эти туфли домой, Сара?»

«Потому что я думала, что, если подержу их у себя подольше, это изменит мою жизнь».

О да, теперь, уж конечно, жизнь ее точно изменится! Теперь все будет хорошо. Как может быть хорошо только у безработного!

– Ладно, у нас проблема. И нужно ее решить. – Диана засунула пилку в сумочку и, достав оттуда красную помаду, быстро провела ею по губам.

– Проблема? Не преувеличивай. Ты, можно сказать, одной рукой послала мою карьеру в никуда. Спасибо тебе, дорогая.

– Да я вовсе не о твоей дурацкой туфле! Я говорю об отце. Ты не можешь вот так просто взять и спихнуть его на меня. У меня тоже есть личная жизнь, не забывай.

Что, опять по новой? Впрочем, чему тут удивляться? Диана не привыкла отступать, не получив того, чего хотела. А это обычно было то, что освобождало ее от всякой ответственности.

Когда их мать впервые почувствовала себя плохо, именно Саре пришлось взять на себя дела по дому. Узнав, что у его жены рак, отец впал в депрессию, поставив Сару перед выбором – или послать все к чертям, или надеть фартук матери.

Бриджит Гриффин оставалась между жизнью и смертью почти десять лет, прежде чем наступил конец ее страданиям. В течение многих лет Сара знала, что это случится, но когда этот день пришел...

Она была потрясена. В ее жизни словно образовалась огромная дыра, и она ничем не могла заполнить ее. «Живи своей жизнью», – сказал ей отец. «Какой

жизнью?» – хотелось ей спросить. В течение десяти лет она все отдавала семье. У нее не было времени ни на свидания, ни на то, чтобы помечтать и подумать, какой путь она могла бы избрать, если бы только...

Все эти возможности были отданы Диане. Сара старалась, чтобы у ее сестры было все – и свидания, и балы, и вечеринки, если даже это и означало, что ей самой приходилось оставаться дома. Или работать не покладая рук, чтобы оплатить мечты Дианы.

Их отец работал всю жизнь, но на зарплату полицейского особенно не разбежишься. С ухудшением здоровья жены он все меньше обращал внимания на дом и на дыры в семейном бюджете, поэтому Саре пришлось пойти работать, добавляя в их семейную казну столько, сколько она могла. Никогда не говоря об этом прямо, она просто взяла на себя заботу о всей их семье. А ее собственная жизнь была отложена в сторону. Она и забыла, как это бывает, когда у тебя есть что-то, кроме работы, за которую хорошо платили, но которая все время вызывала у нее раздражение. Ей просто необходима была какая-то перемена, и она подумала, что если принести домой эти туфли, то это могло бы стать ее первым шагом...

Как же! Когда на тебе одна туфля, даже один шаг сделать не просто.

– Диана, ты обещала, – сказала Сара, возвращаясь к их текущей проблеме – что делать с отцом. – Ты не можешь вот так взять и отказаться.

Ее сестра моргнула:

– Я не могу бросить все потому, что ты решила, будто он у тебя загостился. У меня есть работа, друзья...

– А у меня что, нет?

Диана усмехнулась:

– Сара, вся твоя жизнь связана с работой. Я же выхожу куда-нибудь каждый вечер. Я не могу сидеть дома с папой!

– Я тоже вечерами не бываю дома. И гораздо чаще, чем мне бы этого хотелось.

– Ага, описываешь, как живут другие. Но это еще не делает тебя светской дамой.

Сара пропустила мимо ушей обидные слова раздраженной сестры. Ну и что из того, если у нее оставалось время только наблюдать и записывать? У нее были и другие обязательства. Выполнить свой долг дочери, например, оставив у себя отца еще на несколько недель...

– Это моя работа, сестрица. И у меня оставалось бы на нее больше времени, если бы ты имела привычку держать свои обещания. К тому же отец все равно надолго у тебя не останется.

Мартин Гриффин практически жил в ее квартире – он и его старое уродливое кресло – больше года. После того как умерла их мать, Мартин несколько месяцев грустно бродил по опустевшему дому, прежде чем Сара наконец убедила его выставить дом на продажу. Он был просто не способен жить один – столько лет проработал в полиции и привык к мужской компании, а не к домашней жизни. Отец забывал обедать, забывал просушить мокрую одежду, забывал положить заварку в чайник... Он мог забыть выключить газ или воду, и в конце концов Сара предложила ему перебраться к ней. Мартину, несмотря на его вечное ворчание, казалось, нравилось жить здесь, он даже старался помогать старшей дочке. По-своему. Не всегда так, как хотелось бы Саре, но она любила своего отца и не сердилась на него.

Тем не менее ей хотелось независимости. Свободы от беспокойства. Сколько лет она уже беспокоилась – о доме, об отце, о сестре и больше всего, конечно, о матери и о той ответственности, что свалилась на ее плечи. Она даже не знала, сумеет ли когда-нибудь через это перешагнуть. Теперь подошла очередь Дианы взять на себя ответственность. Снять хотя бы часть ноши с плеч сестры.

Вот только Диана не желала никакой ответственности!

Губная помада вернулась обратно в сумочку, на смену ей пришли дорожная щетка и ручное зеркальце.

– Я сейчас занимаюсь организацией благотворительного бала для Садоводческого общества. Это моя первая большая работа после колледжа, так что ты, надеюсь, понимаешь, как это для меня важно. У меня просто нет времени на отвлекающие дела.

Сара не стала ей напоминать, что эта «работа» на добровольных началах была предложена Диане матерью ее приятеля, спонсора этого общества. Ее сестре еще ни разу не удалось найти себе работу, где бы она задержалась больше чем на несколько недель.

– Между прочим, это «отвлекающее дело» – твой отец. – Сара покачала головой. – Клянусь, Диана, порой мне кажется, что мы с тобой не родственники.

– И все-таки не понимаю, почему тебе не оставить его у себя? Папа тебя все равно больше любит.

Сара внимательно посмотрела на нее. Диана сосредоточенно наматывала на палец ремешок своей сумки.

– Диана, он нас обоих любит одинаково.

Диана хмыкнула:

– У меня две собаки, Сара. И уж конечно, одну из них я люблю больше.

– Мы его дети, а не домашние животные. Семейные узы крепче, чем ошейники от блох.

– Но, Сара... – Теперь в голосе Дианы появились жалобные нотки. – Ты так хорошо ладишь с папой! А я совсем этого не умею...

– Есть ли лучший способ наладить отношения, чем предложить ему перебраться к тебе? – Сара улыбнулась сестре, но это была твердая улыбка.

– Я могла бы купить ему билеты на следующий матч его любимой команды...

– Извини, сестрица, но сейчас речь не об этом. – Сара скрестила на груди руки. – Возможно, ты сегодня и разрушила мою карьеру, но от своих семейных обязанностей тебе уйти не удастся. К концу месяца мы перевезем отца к тебе.

Это был тот же самый разговор, что и полчаса назад, – и смотрите, чем это кончилось! Схватив то, что оказалось к ней ближе, Диана в порыве ярости метнула это в окно.

Но теперь Сара отказывалась уступать. Слишком долго она со всем соглашалась ценой собственных планов. День, когда она вышла из офиса, под влиянием импульса засунув в сумочку туфли Фредерика, был днем, когда она решила перестать быть ответственной за все. Если она сейчас не настоит на своем, то вещи уже никогда не станут на те места, где им положено быть.

Диана снова попыталась протестовать:

– Но...

– Нет. Это уже решено! Я не собираюсь заново все обсуждать. Если я когда-нибудь найду эту туфлю... Для меня это единственный шанс. Отец ненавидит оставаться один, и ты сама знаешь, что бывает, когда рядом с ним никого нет.

– Я не могу. Я просто...

Господи, это что еще такое! В Саре пробудилось привычное беспокойство – она испытывала его все годы, когда была для Дианы больше матерью, чем сестрой. Ее самоуверенная хорошенькая маленькая сестренка никогда не казалась ни слабой, ни уязвимой. Она всегда была полна жизни и огня. Откуда такая растерянность?

– Диана, с тобой все в порядке? – Сара протянула к ней руку, но Диана встала и, бросив в сумку щетку и зеркальце, пошла к двери.

– Если отец переедет ко мне, – тихо сказала она, – это будет катастрофа. Ну, пожалуйста, Сара, позволь ему остаться с тобой! Так всем будет лучше. – На секунду у Сары мелькнула мысль уступить. Но потом она услышала: – Ну посмотри сама. Ты единственная, на кого мы привыкли полагаться. Ты всегда

была ответственной за нашу семью.

– Я не хочу быть такой, – сказала Сара, закрывая за Дианой дверь. – Больше не хочу.

Калеб Льюис поставил красный стилетто на полку над столом. Опустился в кресло и, откинувшись на спинку, уставился на длинную узкую туфлю. Седьмой размер. С плавными линиями и характерным дизайном из тонких переплетающихся ремешков. Туфелька буквально свалилась ему с неба. Каковы шансы, что это не подделка?

Нет, эта вещь просто не могла быть суперсекретным прототипом для давно ожидаемой новой линии обуви Фредерика К. Стоило ему открыть двери своего дома моды, как женщины начали расхватывать каждое платье, каждую блузку и юбку, которую выпускал в продажу этот дизайнер из Бостона. Прошлой осенью все просто с ума посходили из-за его кашемировых свитеров!

Фредерик К был новой блестящей игрушкой в индустрии моды, и «ЛЛ Дизайн» с тех пор только и делал, что пытался догнать его. Калеб взял на себя руководство чуть больше года назад, когда компания была еще на вершине популярности. Но тут на сцене появился Фредерик К, который начал захватывать рынок, словно мышь, откусывая от головки сыра один кусок за другим.

Но на этот раз флаг на корабле Калеба был поднят. Поддерживая жесткую экономию, урезав зарплату кутюрье и добавив соревновательный элемент в работу, Калеб уже несколько месяцев пытался исправить ситуацию. Но ему не доставало чутья его матери в женских моделях одежды, да и остальные дизайнеры компании, казалось, были лишены этой искры. Калеб не мог сказать, чего именно не хватало их изделиям, только все они были уже не те...

Черт, да все пошло наперекосяк с тех пор, как он занял место матери – место, которое ему совсем не подходило! Но в то время не было другого выбора. Все случилось так неожиданно... Накануне Леонора еще стояла на капитанском мостике, а уже на следующий день ей пришлось покинуть корабль, чтобы все силы отдать борьбе за жизнь. Оставшись без капитана, сотрудники компании начали паниковать. Единственным выходом была замена Леоноры кем-то, кто

болел бы за компанию не меньше, чем она сама. Предполагалось, что это будет временной мерой, до тех пор, пока не найдут другого генерального директора.

Но скоро Калевб понял, что, сколько бы он ни старался, все равно отсутствие у него опыта не давало компании работать более эффективно. Дела шли все хуже, а с сокращением доходов исчезла и сама возможность выделить дополнительную ставку. Но Калевб все еще не терял надежды.

В конце концов, ведь это только платья и блузки. Что тут может быть сложного?

Очевидно, это было все же не просто и совсем не то, с чем мог бы справиться бывший директор по маркетингу. Калевб хорошо знал, как продать продукт, – проблема была в том, как создать продукт, который бы понравился потребителю.

Весенние показы могли стать поворотной точкой для «ЛЛ Дизайн». Либо они привлекут внимание публики, либо, наоборот, закроют двери старейшего дизайнерского дома. Ему останется лишь признать, что он своими руками свел на нет дело жизни своей матери. Если бы она только знала, что случится с ее детищем!.. Слава богу, сейчас ей это недоступно.

– Это не... – Его секретарша Марта Нессбаум, прижав руку к губам, замерла возле его стола. Он даже и не заметил, как она вошла, – таким рассеянным стал за последнее время. – Ведь это...

– Возможно, – пожал плечами Калевб. – Во всяком случае, описанию вполне соответствует.

– Можно... ее потрогать?

– Господи, Марта, это же туфелька, а не Алмаз надежды!

Марта бросила на него выразительный взгляд «вам-все-равно-не-понять»:

– Это не просто туфелька, Калевб. Это, можно сказать, сама чувственность...

Кaleb прищелкнул языком. Он не ожидал, что его шестидесятилетняя секретарша, львица у дверей, верный его страж, может сказать что-то подобное.

– Женщины и туфли, – пробормотал он. – Когда ученые узнают, как вылечить рак и кто построил Стоунхендж[3 - Стоунхендж – каменное мегалитическое сооружение на Солсберийской равнине в графстве Уилтшир в Англии, о назначении которого до сих пор ведутся споры.], они раскроют и эту тайну.

– Как она к тебе попала?

– Кто-то потерял.

– Что ты под этим подразумеваешь? Кто мог потерять дизайнерскую туфлю? – Марта подозрительно прищурилась. – Ты ведь не ворвался на фабрику Фредерика К и не стащил ее?

Кaleb рассмеялся:

– Ну, я еще не настолько отчаялся.

Пока. А сколько еще осталось до этого? На «ЛЛ Дизайн» работало около четырехсот человек. Четыреста человек рассчитывали, что смогут вовремя внести взнос за ипотеку, послать своих детей в колледж, надеялись, что, в конце концов, на их столе будет ужин... Не только мысль, что он разрушил дело матери, грызла его по ночам. Все эти люди в скором времени могли оказаться безработными...

В который раз Кaleb удивился, что заставило его подумать, будто он сможет справиться со всем этим. Черт, да он едва справлялся со своей собственной жизнью! Возможно, если бы он... Нет, он не собирался думать об этом! Это все уже в прошлом – в прошлом, которое до сих пор жгло его до самых костей...

Марта протянула руку и взяла с полки туфельку. Она поставила ее на ладонь – аккуратно, словно новорожденного котенка, и он мог поклясться, что видел, как затрепетали ее ноздри, втягивая в себя запах дорогой кожи.

– Изумительно! – выдохнула она и вдруг повернулась к нему, показывая на царапину с правой стороны. – О боже... Как это могло случиться?

– Неудачная встреча с асфальтом.

Царапина была совсем небольшая, если нужно, ее легко можно было заполировать. Если бы он хотел фотографировать, продавать или – он хмыкнул – носить эту туфлю. Но нет, ничего из этого он делать не собирался. У него была другая цель.

Эта идея пришла к нему почти сразу, как только он подобрал стилетто Фредерика К. Калев так торопился на встречу, что мог бы не заметить туфельку. Но что-то вроде красной вспышки привлекло его взгляд, и он остановился отчасти из любопытства, отчасти из-за того, что какое-то шестое чувство подсказало ему: эта туфля вовсе не выброшенная ненужная вещь, а что-то большее.

Намного большее.

Еще прежде, чем поднять ее, он узнал фирменную черную, в тонкую полоску подкладку, а потом и автограф дизайнера, вшитый в кожаную стельку. Сначала почти квадратная «Ф», а потом «К». Калев почти машинально сунул туфельку в карман пиджака, махнул рукой проезжавшему такси и отправился на встречу. Он не сомневался, что кто-то потерял ее... Но и не собирался упускать возможность отплатить акуле, угрожавшей послать «ЛЛ Дизайн» на дно океана моды. Его работники рассчитывали на него. Рассчитывали, что он удержит их судно на плаву, и он обязан был это сделать!

«Да, но как?» – спросил его внутренний голос.

– И теперь, когда у тебя есть эта модель Фредерика К, – спросила Марта, – что ты собираешься с ней делать? – Она крепко прижала туфельку к своей груди, словно расстаться с таким сокровищем было выше ее сил.

Калев забрал туфлю и поставил ее на полку.

– Оставить у себя, – сказал он. – А самим сделать что-нибудь покруче. Мы уже давно говорили о том, чтобы запустить линию обуви. И успеть сделать это прежде, чем наше судно сядет на мель. Эта туфля буквально свалилась мне в руки. Буквально. И нужно быть дураком, чтобы не воспользоваться этим шансом.

– Ты наконец-то решился? – На лице Марты появилась одобрительная улыбка. – Чертовски вовремя! Думаю, Леонора тобой бы гордилась.

Он вздрогнул: «Гордилась? В самом деле?»

Его взгляд остановился на портрете, висевшем на дальней стене. Копия маслом изображала молодую Леонору, а не ту женщину, которую знал Кaleb. Улыбка на тонких губах, платиновые волосы, собранные в свободный узел, – такой же, какой был у нее всегда и из которого часто торчал карандаш. Казалось, она смотрела на него и терпеливо ждала. Ждала, что он сотворит чудо. Поступит правильно.

Он закрыл глаза, не в силах больше смотреть на портрет.

Правильно. Разве когда-нибудь он знал, что это такое?

– Гордилась? – повторил Кaleb. – За то, что я сделал с ее компанией? За то, что я за один только год почти разрушил дело всей ее жизни?

Марта наклонилась к нему, ее лицо стало серьезным.

– Ты оказался на спине дикого слона, когда взял на себя руководство компанией. Я знаю, это было трудно, но ты сделал свою работу куда лучше, чем думаешь. А сейчас... – она прижала руку к груди, ее улыбка вернулась, – ты идешь на риск. Собираешься сделать прыжок в неизвестность. Это то, что всегда делала Леонора. И все-таки... что ты дальше собираешься с ней делать?

Он повертел туфельку за каблук. Это было настоящее произведение искусства – плавные линии с глубоким треугольным вырезом на носке и маленькой застежкой из золотистого металла.

– Я думал дать ее Кенни на пару недель. Пусть поработает...

– Не надо. С женской обувью у него ничего не выйдет – говорю это как женщина, пускай и не молодая, но та, которая до сих пор обожает стильную обувь.

Марта была права. В «ЛЛ Дизайн» было не так уж много талантливых дизайнеров. Еще до того, как сошла со сцены его мать, от них ушли двое лучших дизайнеров, а потом и еще двое. И сейчас Калеб был просто обязан что-то сделать.

– Тогда я найму кого-нибудь со стороны, – сказал он, хотя и не знал, кому можно доверить это дело. Он встал, взял туфлю и свой мобильный телефон. – В любом случае я что-нибудь придумаю. – Все решения, которые он примет, лягут на его плечи. Была ли эта модель пропуском в мир модной обуви, тем самым чудом, которое было им так нужно? Возможно. «Но, – продолжал нашептывать предупреждающий голос, – если ты не сумеешь решить проблему со всей коллекцией в целом, то линия обуви все равно не поможет». – Я думаю заглянуть в «Смарт фэшн» и послушать, что там говорят о Фредерике К. – «А возможно, и узнать, почему туфелька оказалась на тротуаре...»

Этот журнал благоволил Фредерику К со дня основания тем своего дома моды. Уж кто-нибудь среди журналистов должен был знать об этой модели, а может, и о других разработках известного дизайнера.

– Ты сам туда отправишься? – спросила Марта и, когда Калеб кивнул, добавила: – Да ты же терпеть не можешь прессу! Особенно этот журнал...

И тут же перед его глазами встали заголовки. Кривые загогулины вопросов, массивные черные буквы. Все хотели заработать на неожиданной отставке его матери, а потом, словно пираньи, обглодать его компанию, обсуждая каждый неверный шаг, который он сделает. Так Калеб стал предметом сплетен, этакий мальчик для битья в колонке сплетен «За кулисами сцены» – таблоидного отростка «Смарт фэшн». Любое его движение сразу же отражалось на этих страницах во всех красках.

Да, он ненавидел прессу, а «За кулисами сцены» – больше всего.

– По крайней мере, про тебя не скажешь, что ты дружески настроен к репортерам. – Марта поморщилась. – Они до сих пор не могут забыть об этом случае в Милане.

И до сих пор заставляют его за это расплачиваться, переходя от одних слухов к другим. Репортеры сфокусировались скорее на его личной жизни, чем на делах компании. Ему вообще следовало бы сидеть дома. По крайней мере, в этом случае таблоиды вряд ли могли докопаться до правды. Пока их интересует его ночная жизнь, а не то, где он проводил несколько часов в середине дня по вторникам, четвергам и субботам. Кaleb прибегал к множеству ухищрений, чтобы сохранить свою тайну. Он выбрал медицинский центр в другом штате. Он вдвое переплачивал сиделкам. И постоянно напоминал всем, кто хорошо знал о случившемся с Леонорой, держать это в секрете.

– Если бы ты был с ними немного помягче, – сказала Марта, прерывая его мысли, – возможно, смог бы получить лучший результат.

Кaleb скривился:

– Помягче? С прессой? – Он тяжело вздохнул. – Ну ладно. Уговорила. Я принесу в редакцию коробку печенья или чего-нибудь еще...

Марта рассмеялась:

– Для человека, стоящего во главе дома моды, ты чертовски мало понимаешь в женщинах. Туфли и шоколад, Кaleb. Это все, что тебе нужно, чтобы привлечь их внимание.

– А я-то думал, что все дело в моем остром уме, – уныло пошутил он.

Глава 2

Найти эту проклятую туфлю и в то же время не встретиться с Карлом – вот что предстояло сделать Саре. Для женщины, которая собралась изменить свою жизнь, она явно отправилась не по той дороге.

Явившись в офис, Сара сразу же выложила всю историю Педро Эспозито. Педро был хорошим другом – во всяком случае, не из тех, кто побежал бы к боссу

рапортовать о чужом промахе. Его готовое выслушать жалобы ухо и плечо, на котором можно выплакаться, следовало бы ценить каждой женщине, нуждающейся в надежном друге.

– Хорошие новости, ягодка.

– А что, сегодня они есть?

– Ты разве не заглядывала в свою почту? Карлу срочно пришлось бежать к зубному, так что сегодня его не будет весь день.

– Слава богу.

– Нет. Слава ореховой скорлупке, которая ему попала в черничном маффине[4 - Маффин – небольшой порционный кекс, выпекаемый в отдельной формочке.]. – Педро осклабился, бросая ей на стол яркую листовку. – Вот. Это поможет тебе спасти свою шею.

Сара подняла листовку:

– «Разыскивается пропавшая туфелька...» Очень смешно!

– Во всяком случае, лучше, чем голова на шесте, которую наверняка захочет выставить всем на обзор Карл, если узнает, что случилось с моделью Фредерика.

Сара поежилась. Карл, с его взрывным темпераментом, легко выходил из себя по любому поводу, начиная с пропущенных сроков сдачи статьи и кончая падением доходов от рекламы.

– Я верю, что найду ее.

– Ты можешь верить во что угодно, Золушка. Но если бы ты спросила меня, я бы сказал, что здесь уже нужен принц, чтобы спасти тебя, – невесело усмехнулся Педро, плюхаясь обратно в свое кресло.

Как же! Ей самой придется себя спасать. Разве не она написала больше сотни статей об обманщиках мужчинах? О тех, кто, притворяясь прекрасными

принцами, преследовал лишь свои личные цели? О тех, кто бегал за блестящими красотками, не обращая внимания на скромную девушку в уголке?

– Эта Золушка сама найдет свою туфельку, – решительно тряхнула головой Сара. – Кто кашу заварил, тому и расхлебывать. И не нужны мне никакие принцы!

Может, ей стоит постучаться к соседям? Спросить, не видел ли кто чего? Наверняка кто-нибудь да видел...

Она встала, собираясь пойти в буфет за еще одной чашкой кофе, когда заметила идущего по коридору мужчину. Мужчину, которого она меньше всего ожидала здесь увидеть.

Калеба Льюиса.

Черт, как он все же хорош! Плохо только, что Сара знала, каков он на самом деле. Этот темноволосый владелец «ЛЛ Дизайн» так умел держаться, что невольно притягивал к себе все взгляды. Высокий и худощавый, он был на несколько дюймов выше ее. Как раз настолько, чтобы положить ему на грудь голову, услышать удары его сердца и почувствовать его силу.

А посмотрев вверх, можно было увидеть слегка прищуренные синие глаза, в которых таилась насмешка. Тип мужчины, излучающего веселье.

И что в этом нового? Как раз этим он и был знаменит. Он умел хорошо проводить время и не делал из этого секрета. Ей не раз приходилось видеть, как он смеялся и шутил с какой-нибудь очередной моделью недели. Или танцевал в окружении целой стаи женщин. Или перед самым закрытием выходил из клуба с парочкой красоток, по штуке на каждой руке. В журнале его прозвали Трын-Трава Калев – по меткому замечанию Карла, который двумя словами определил и позицию, и поведение их конкурента.

Да, он был красив – в этом Сара не могла ему отказать. И этот красивый мужчина попадал на страницы таблоида слишком уж часто... С того времени, как она только занялась описанием его активной ночной жизни, между ней и «ЛЛ

Дизайн» развернулась своего рода война. Нет, скорее охота. Кaleb избегал ее, а она охотилась за ним, чтобы узнать правду. Тем не менее дальше его традиционного «Без комментариев» ей так и не удалось продвинуться.

Кaleb Льюис шел по покрытому ковровой дорожкой проходу и вдруг остановился. Прямо напротив ее стола.

Сара догадалась. Он приехал сюда затем, чтобы устроить скандал по поводу ее статьи, в которой она описывала его мимолетные ухаживания то за одной моделью, то за другой.

– Мисс Гриффин. – Кaleb Льюис кивнул, при этом на его лице можно было прочесть ровно столько же, сколько и на стенах вокруг.

«О боже, он пришел объявить, что подал судебный иск против меня!» – подумала Сара в панике, но тут заметила у него плетеную корзинку, наполненную шоколадными плитками и дорогими конфетами в ярких обертках из домашней кондитерской здесь на углу.

А это с какой стати?

– Нужна помощь? – спросила его Сара. – Вы ищете офис Карла? – Она махнула рукой в сторону лестницы, которая вела к кабинету главного редактора.

– На самом деле, – он приподнял перед ней корзину, – это вам от меня.

Ей? После всего, что она о нем написала? Это что, какой-то хитрый ход?

Сара усмехнулась:

– Ах да, конечно! И что же это? Отравленный шоколад? Или вы засунули бритвенные лезвия в эти милые засахаренные яблочки?

Он улыбнулся:

– Я серьезно.

– Правда? – Сара не смогла удержаться от улыбки. – Тогда спасибо.

В животе у нее заурчало, рот наполнился слюной. В этой корзинке было по меньшей мере килограмма полтора восхитительного угощения. После стольких часов нервотрепки она могла бы воспользоваться этим сладким утешением даже из рук Калеба. Он поставил корзинку на ее стол.

Кaleb вопросительным жестом показал на кресло, и Сара кивнула. Он опустился в него с уверенностью человека, который сразу же овладевал пространством, как только попадал в него.

– Мне нужна информация, – сказал он.

Сара попыталась сосредоточиться на его лице, а не на конфетах.

Его синие глаза остановились на ее лице. Он умел так смотреть, что у человека появлялось ощущение, будто его видят насквозь, к тому же несчастный (а чаще всего – несчастная) начинал отвечать на его улыбку, его взгляд, обманывая собственный разум. Сколько раз Сара видела, как он буквально околдовывал женщин своей улыбкой! Как они, спотыкаясь о собственные ноги, делали все, чтобы оказаться ближе к нему.

Ничего удивительного! Сейчас, рядом с ним, она осознала всю силу его взгляда.

Сара нервно сглотнула:

– Информация? О чем?

– Я хотел спросить, не могли бы вы... – Он оборвал свое предложение и наклонился вперед. – Что это?

– Что?.. – Она повернула голову, чтобы проследить за его взглядом. Прямо на стопке книг, сразу за кофейной чашкой, служившей стаканом для карандашей, за неоткрытой банкой с медовыми мюсли, которую она прихватила с собой, чтобы перекусить, лежала...

Листовка. Объявление о пропавшем стилетто.

Она протянула руку, чтобы убрать бумажку, но Кaleb опередил ее:

– Хм... Интересно.

– Это так... шутка. – Сара сделала движение в надежде выхватить у него листок, но Кaleb отклонился назад. – Верните мне его...

– «Разыскивается пропавшая туфелька, – начал читать он. – Красный стилетто. Нашедшему вознаграждение...» – Это вы ее потеряли?

Наклонившись через стол, она все-таки выхватила у него листок и засунула под стопку старых журналов. За перегородкой раздался сдавленный смех.

– Так о чем вы хотели поговорить?

Он откинулся на спинку кресла и скрестил на груди руки:

– Похожа на модель Фредерика. До меня дошли слухи, что он собирается запустить новую линию обуви. Это что, для следующего сезона? То, что он собирается представить на Неделе моды?

В Саре шевельнулось подозрение... Но, в конце концов, подпись дизайнера была хорошо видна на фотографии, которую использовал Педро и которую, возможно, он стянул с сервера дизайнерского отдела, где были выложены результаты фотосессии за прошлую неделю. Любой, кто работал в индустрии моды, мог сразу же узнать логотип.

– Возможно.

– Вы ее потеряли? – Его взгляд буквально врезался в нее.

– Вас это беспокоит?

– О нет. – Он улыбнулся одним уголком рта. – Беспокоиться нужно вам, если вы хотите найти эту туфельку.

Мелькнувшее подозрение превратилось в уверенность. Только сейчас Сара обратила внимание, что на Калебе был темно-синий, в тонкую полоску костюм. Точно такой же, какой она видела на мужчине, остановившемся утром у ее дома. Мог ли Калеб Льюис быть тем мужчиной? Мог ли он подобрать туфлю?

Каковы были шансы? Сразу он ей все равно ничего не скажет. Да и вообще в Нью-Йорке полно мужчин, которые носят синие в полоску костюмы. Но с другой стороны, совсем немного таких, кого мог бы заинтересовать красный стилетто Фредерика К.

– Что вы имеете в виду? – спросила она.

Его пальцы побарабанили по ручке кресла, на губах появилась странная улыбка.

– Возможно, я знаю, где туфля.

На мгновение Сара почувствовала облегчение. Но лишь на мгновение. Она что, забыла, с кем разговаривает? С мужчиной, который ненавидел ее всем своим сердцем. Его неопределенное замечание могло быть просто приманкой. Способом рассчитаться с ней за все ее статьи.

– Вам придется вернуть туфлю, – заявила Сара. – Эта вещь вам не принадлежит.

Странная улыбка снова мелькнула на его лице – слишком быстро, чтобы успеть понять, что она могла значить. От корзинки исходил искушающий запах шоколада, словно желая сказать: «Доверяй ему. Он хороший. Он пришел с шоколадом».

– Там, кажется, была обещана награда? – спросил Калеб.

– Мистер Льюис, если у вас есть эта туфля...

– Может, да. А может, нет. Я еще ни в чем не признался. Мне известно, с какой легкостью вы можете объявить кого угодно виновным, даже не потрудившись взглянуть на факты. – Он непринужденно завел руки за спинку кресла, словно был в собственном кабинете. – Почему бы вам не прийти ко мне в офис, скажем, часа в два, тогда мы все и обсудим.

Еще одна улыбка – та самая улыбка, которая уже очаровала половину женского населения Нью-Йорка, – и он ушел.

Калебу можно было только порадоваться, что журналистка, которая была его Немезидой[5 - Немезида – древнегреческая богиня возмездия, отмщения.], оказалась как раз той, что потеряла туфельку Фредерика К. Он мог даже считать это кармическим возмездием за все написанные ею пасквили о нем.

Сара Гриффин создала его образ – и многие ей верили! – как пустого и ветреного донжуана. Того, кого больше заботила очередная блондинка в руках, а не состояние его дел. Она не знала правды – никто не знал, – почему он заполнял свои вечера, вращаясь в пустоголовом мире ночных клубов и вступая в ни к чему не обязывающие, мимолетные связи.

Когда Калеб шел в редакцию, у него не было намерения разговаривать с репортерами из таблоида. Особенно с Сарой Гриффин. И не потому, что она ему не нравилась, – он даже не был знаком с ней, – просто ему хотелось избежать встречи с той, которая столько времени рисовала его портрет одной черной краской.

Ему часто приходилось видеть Сару Гриффин в клубах, где он бывал, в ресторанах, где он обедал. Она избегала попадать в круг света, что падал на него, никогда не откладывала свой репортерский блокнот, чтобы выпить стаканчик или потанцевать. Но это не помешало ему заметить спокойную, наблюдательную девушку. Ее зеленые глаза не пропускали ничего, что он делал или говорил. И все ее наблюдения за ним запускались в следующий номер таблоида...

В другое время и при других обстоятельствах Калеб был бы заинтригован. Ее стройная фигура с плавными линиями говорила о том, что она не морит себя голодом и не проводит все дни на диете. Каштановые волосы блестящей волной падали ей на спину, а пара коротких, более светлых прядей то и дело обвивалась вокруг металлических дужек ее очков. Она обладала естественной красотой, не перегруженной макияжем и не усиленной краской для волос. Сара Гриффин была похожа на тех женщин, про которых говорят, что ты получишь то, что видишь.

Для Калеба ее чистое лицо было как глоток воды. Живительный. Освежающий.

И все же именно она написала большую часть статей, представивших его обладателем множества пороков...

Проходя через зал со стеклянными кабинками репортеров, он неожиданно подумал, что если ему удастся склонить Сару Гриффин на свою сторону, то это может сыграть ему на руку. Предложить ей написать статью о «ЛЛ Дизайн», чтобы она взглянула на его компанию с другой стороны.

Как там говорят? Будь рядом со своими друзьями, а врагов держи к себе еще ближе. За последний год Сара Гриффин определенно стала его врагом. Приблизить журналистку к себе казалось неплохой идеей. Несмотря на все искажения, которые выходили из-под ее пера, этим своим пером она владела неплохо. Да что там неплохо – она была одной из лучших журналисток в издательстве. Соглашался он с ее статьями или нет, но они были остроумны, кусачи и врезались в память. Как раз то, что ему и нужно для «ЛЛ Дизайн».

А потом он увидел объявление о пропавшей туфельке.

Джекпот!

Вместе с туфелькой в качестве рычага он сможет привлечь внимание мисс Гриффин и добиться своего.

Кто лучше поймет и оценит его стремление начать выпуск эксклюзивных моделей обуви, как не женщина, которой была доверена первая пара туфель для новой линии Фредерика К? В то же время, если он собирается с ней работать, это означает, что она будет приходить к нему в офис и может случайно наткнуться на пропавшую туфельку. Кaleb как наяву увидел жирный черный заголовок: «Отчаявшийся владелец дома моды украл у своего соперника его новую модель!»

Нет, не на такую рекламу Кaleb рассчитывал.

Он взял туфлю и засунул ее в ящик стола. Он скажет Саре, что стiletто у него, но только после того, как у него будет возможность объяснить ей задачу и

заставить ее увидеть, что он совсем не так плох.

На электронном табло поменялись цифры, показывая ровно два часа, когда раздался звонок от секретаря.

– К вам пришли, – сказала Марта.

Калеб усмехнулся: точно в назначенный час! Он не был удивлен. Сара Гриффин, должно быть, и так уже извелась из-за этой своей пропажи. Потерять одну из самых ультрасекретных моделей Фредерика, да еще перед самым выходом номера!

– Пригласите ее, – сказал Калеб.

– Хм, это не она, а он.

Не она? Уж не прислала ли Сара Гриффин кого-нибудь вместо себя? Или журналистка решила, что он просто пошутил?

Дверь открылась, и вошел большой тяжелый мужчина в ярко-синем костюме. Росту в нем было не меньше шести футов, а в ширину – половина того. Белая копна волос окружала его голову словно ореол. Под костюмом – розовая в белую полоску рубашка и такой же платочек в кармане пиджака. В нем не было ничего, что можно было назвать простым, неясным или недооформленным. Ни одежда, ни манера держаться, ни его густой рокочущий голос.

– Привет, Калеб.

– Рад тебя видеть, Фредерик.

Толстые губы презрительно дрогнули.

– Не лги, мой мальчик. Мы оба знаем, что я у тебя в печенках сижу. – Пройдя через комнату, он остановился возле кресла для посетителей, но не сел в него. Возможно, не желая помять свой тщательно выглаженный костюм.

Калев встал, обошел вокруг стола и присел на его край.

– Попробую угадать. Ты здесь, потому что наконец понял, что этот бизнес тебя слишком утомляет, и хочешь, чтобы я у тебя его купил.

Фредерик усмехнулся:

– Да, это был бы денек! Но нет, ты не угадал. Все как раз наоборот. – Он наклонился вперед, буравя своими маленькими карими глазками лицо Калеба. – Я хочу купить тебя. Всего. До последней нитки.

Предложение было рассчитано на то, чтобы поразить своей неожиданностью. Но Калев ничем себя не выдал. С чего это вдруг успешному дизайнеру захотелось прибрать к рукам его загибающуюся компанию? Чтобы в дальнейшем исключить саму возможность соперничества?

– Я не продаюсь. Ты ничего здесь не купишь.

Фредерик рассмеялся – низкий рокочущий звук вырывался откуда-то из глубины его вместительного чрева.

– Тебе приятнее объявить себя банкротом?

– У нас все в порядке.

Еще один взрыв хохота.

– О да! Как же! – Фредерик вытащил из кармана сложенный пополам лист бумаги и, развернув, бросил на стол. – Мое предложение. Подпиши, и ты освободишься от этой, – Фредерик махнул рукой, – тюрьмы, куда посадила тебя твоя мать.

Калев почувствовал гнев. Бросить компанию матери? Продать десятки лет ее тяжелого труда? И кому? Этому шуту?!

– Не мечтай, – покачал он головой. – Я тебе ее не продам. Я не продал бы тебе даже катушки ниток.

– Я знал, что ты никудышный бизнесмен, но дураком никогда тебя не считал. – Фредерик тряхнул головой, всколыхнув свое белое облако. – А я редко ошибаюсь.

Оттолкнувшись от стола, Калеб выпрямился:

– Вон из моего офиса!

– Думаю, мы увидимся через пару недель на показе. Конечно, если ты не будешь умнее и не откажешься от него – до того, как тебя обойдут. – Фредерик кивнул на лист бумаги на столе.

– Я там буду, – сказал Калеб. – И посмотрим, кто в этом году будет делать погоду. Не думаю, что Фредерик К.

– Бред, – буркнул Фредерик, выходя из кабинета.

Этот человек всегда держал палец на пульсе «ЛЛ Дизайн» и сумел выбрать подходящий момент. Нормальный бизнесмен принял бы его предложение, взял бы деньги и ушел, сбросив с себя это бремя. Чтобы заняться своим делом, а не тем, что перешло к нему по наследству.

Тогда бы Калеб стал свободным. От беспокойства. От стрессов. От тяжелого груза ответственности.

Калеб взял со стола лист бумаги, что оставил ему Фредерик, опустился в кресло...

И послал бумагу в шредер.[6 - Шредер – офисный уничтожитель бумаг.]

Лифт долго полз вверх, поднимая Сару на самый верхний этаж высотного здания, где располагался «ЛЛ Дизайн». Она не переставала строить догадки – то ли Калеб Льюис говорил серьезно, то ли просто хотел отомстить за ее статьи в колонке сплетен. В любом случае она не могла это выяснить, не приняв его предложения.

А может, Калеб Льюис просто использовал объявление о пропаже, чтобы тут же сочинить историю и выставить ее дурой, совершив таким образом своего рода отмщение? Но потом она вспомнила его лицо, когда его взгляд наткнулся на этот листок. Нет, он определенно что-то знал – и она не уйдет отсюда, пока это не выяснит.

Двери открылись. Сара на мгновение замерла, увидев, кто собирался войти в лифт.

Фредерик К!

Кутюрье говорил по телефону и даже не взглянул на нее, когда она проскользнула мимо него в коридор. К счастью, Фредерик К был из тех, кто говорил своим сотрудникам, чтобы те сказали всем «остальным людям». Тем, кто существовал ниже его стратосферы.

Зачем он здесь? Не сказал ли ему Калеб насчет стилетто? Как только за Фредериком закрылись двери лифта, Сара бросилась прямо в кабинет Калеба, не обращая внимания на протесты его секретарши.

– Вы что, продали меня?

Калеб изумленно уставился на нее:

– Продал вас? Кому? Зачем?

– Я только что видела Фредерика. Так вы и ему сказали?

– То, что вы потеряли его стилетто? – На его лице появилась улыбка. – С чего бы мне это делать?

– Да такая уж у вас натура.

Его улыбка исчезла.

– Вы во многом ошибаетесь насчет меня.

– Я наблюдала за вами, мистер Льюис. Я собирала факты. Я знаю вас.

Он обошел вокруг стола и приблизился к ней, оставив между ними расстояние всего лишь в несколько дюймов. Древесный запах его одеколона дразнил ее, искушая приблизиться.

Она не сделала этого.

– Вы ошибаетесь, мисс Гриффин, – произнес он спокойно. – Я совсем не такой, каким вы меня представляете в вашей колонке.

Их взгляды встретились, ее сознание замерло. У него было свойство заставлять женщину чувствовать, что в его мире в этот момент никто больше не существовал, кроме нее. Но она знала – умной женщине следовало бы держаться подальше от такого мужчины. Казалось, у него на лице написано: «Внимание, опасно для сердца!»

– Почему я здесь? – начала она. – Если это один из розыгрышей...

– Так вы хотите знать, где туфелька?

Туфля была у него? Или же он знал что-то, чего не знала она?

Сара изобразила на лице улыбку:

– Мои статьи вряд ли могли вам польстить, но вы с пониманием отнеслись к моей проблеме. Я это очень ценю...

Он сел на край стола и сложил на груди руки.

– Я никогда не говорил, что эта туфля у меня. Или что я собираюсь ее вам отдать.

Проклятье! Значит, стилетто у него. Так почему ему прямо не сказать об этом? Чего он хочет?

– Зачем вам нужна туфля без пары, мистер Льюис?

– Одно за другое, мисс Гриффин. Вам что-то нужно, мне – тоже.

Она сверкнула на него глазами:

– Если это такой извращенный способ сделать мне предложение, то...

Он рассмеялся:

– Уверяю вас, к сексу это не имеет никакого отношения.

У нее загорелись щеки от унижения. Черт! Ему не стоило быть столь уж прямолинейным. Но почему ее вообще должно волновать, что он о ней подумает? У нее не было никакого желания стать частью гарема Калеба Льюиса. И все же...

Было бы приятнее, если он ее заметил... Только для ее самолюбия!

– Мне нужны чернила и ручка, – сказал он.

Она поправила на носу очки, остро чувствуя, что в джинсах и коричневом свитере с растянутым воротом вовсе не выглядит секс-богиней. В сравнении с эффектными моделями в последних творениях от «ЛЛ Дизайн» Сара чувствовала себя не в своей тарелке. Особенно рядом с Калемом Льюисом. Впрочем, его внимание к ней, судя по всему, не имело ничего общего с сексуальным желанием.

Было ли это потому, что коричневый свитер не красил ее? Или потому, что Калек сейчас настроен на деловой лад?

– Разве не проще попросить на складе?

– Я говорю о вашем таланте. Мне нужна статья о «ЛЛ Дизайн».

Сару снова кольнуло подозрение. Кaleb хорошо знал, что она могла бы написать, – он читал эту дурацкую колонку. Так почему же ему хотелось, чтобы именно она, Сара Гриффин, написала статью о его компании?

– Почему именно я?

Он наклонился вперед:

– Потому что, несмотря на всю ту... чепуху... – в его тоне она услышала желание произнести другое слово, – которую вы печатаете, вы отличный журналист. И мне кажется, вы очень хорошо пишете.

Комплимент омыл ее, проникнув чистой водой в щели вечно сомневающейся писательской натуры. Ее не волновало, кто из писателей или художников был более успешен, для нее имела значение только их творческая сила. Сара всегда волновалась перед сдачей каждой своей статьи, будучи почти уверенной, что редактор вернет ее обратно с красной печатью «Отклонено».

– Спасибо, – сказала она.

– Не надо благодарить меня раньше времени, мисс Гриффин. К этому предложению есть и дополнение.

– Мистер Льюис...

– Зовите меня просто Кaleb. – На его губах снова появилась эта танцующая улыбка. По ее коже пробежали мурашки. – Я чувствую себя дедушкой, когда вы меня так называете.

– Кaleb... – Его имя слетело с ее губ. Слишком легко. – Дело в том, что в календаре у редактора все расписано на несколько месяцев, и я просто не могу...

Он оттолкнулся от стола, сокращая расстояние между ними. Теперь Кaleb был так близко, что она могла видеть, что синий цвет его глаз представлял собой сложную комбинацию серого и голубого, как небо после дождя. Ей был не знаком запах одеколона, которым он пользовался, но она едва устояла перед

искушением втянуть в себя этот глубокий мускусный аромат...

– Если очень захотите, то сможете, – тихо проговорил он.

Сможет что? Поцеловать его? Потому что какая-то ее часть ужасно этого хотела. Безумно хотела. Особенно если учесть, как он сегодня выглядел – в белой рубашке с расстегнутым воротом и темно-красном галстуке, спущенном как раз настолько, чтобы приоткрыть искушающий треугольник на его груди... Он снял пиджак и повесил его на спинку кресла. Этот простой жест совершенно изменил его, делая почти доступным. Ей захотелось увидеть, что бы случилось, если бы она развязала галстук и, одну за другой, расстегнула бы маленькие белые пуговицы на его рубашке...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сейчас так называют женские туфли на высоких шпильках. (Здесь и далее примеч. ред.)

2

Таблоид – печатное издание, носящее бульварный (желтый) характер.

3

Стонхендж – каменное мегалитическое сооружение на Солсберийской равнине в графстве Уилтшир в Англии, о назначении которого до сих пор ведутся споры.

4

Маффин – небольшой порционный кекс, выпекаемый в отдельной формочке.

5

Немезида – древнегреческая богиня возмездия, отмщения.

6

Шредер – офисный уничтожитель бумаг.

Купить: https://telnovel.com/dzhamp_shirli/krasnaya-tufel-ka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)